

**Предметный мир в сборнике рассказов Людмилы Улицкой
«О теле души»**

Статья обращена к современному литературному материалу – сборнику рассказов Л. Улицкой «О теле души» (2019). Предложен мотивный анализ произведений, идет речь об особенностях авторской изобразительной манеры, о путях художественного постижения предметного мира, взаимодействии персонажей с предметно-телесной средой. Высказана гипотеза об агностическом настрое автора и героев в отношении к инобытию.

Ключевые слова: современная русская литература, Л. Улицкая, жанр рассказа, предметный мир, поэтика телесности, агностицизм.

Ilija Nichiporov

**Object World in the Collection of Stories by Lyudmila Ulitskaya
"About the Body of the Soul"**

The article is addressed to the modern literary material – the collection of short stories by L. Ulitskaya "About the body of the soul" (2019). A motivic analysis of the stories is proposed, it is about the features of the author's visual manner, the ways of artistic comprehension of the object world, the interaction of characters with the object-body reality. A hypothesis about the agnostic attitude of the author and the characters in relation to otherness is expressed.

Key words: modern Russian literature, L. Ulitskaya, short story genre, subject world, poetics of corporeality, agnosticism.

Зоркость к предметной, телесной реальности при изображении частного и исторического бытия является ключевым свойством творческого мышления Л. Улицкой, которое в полноте проявилось в ее недавнем романе «Лестница Якова» (2015) [5]. В новом, состоящем из 13 произведений, сборнике рассказов «О теле души» (2019), в «повествовании, перенасыщенном бытовыми деталями» [4] и вместе с тем приобретающем подчас сюрреалистичную окрашенность, нащупываются зыбкие границы материального и мистического измерений.

В сюжетный фокус рассказа «Дракон и феникс» попала прочерченная пунктиром история странной дружбы и даже «узаконенной» в Амстердаме семнадцатилетней «совместной жизни» армянки Муси и азербайджанки Зарифы, выросших в Карабахе, в городе, который с давних времен «был мягко, но убедительно разделен на верхний и нижний, армянский и азербайджанский». Перипетии этих отношений, драматичный разрыв Зарифы с семьей выводят к трагическому повороту – смертельной болезни Зарифы, мучительно оканчивающей свои дни на Кипре, где она «давно уже... купила дом для летнего счастья». На пороге смерти она встречается с когда-то отрекшимся от нее братом Саидом, в полузабытии допытывается о том, «что такое интеллигенция», «чем отличаются армяне от азербайджанцев» и почему их «нельзя усадить за один стол». Не отрефлектированные до конца коллизии рано исчезающей жизни, с рождения знакомых ей межнациональных противоречий после ухода Зарифы обретают зримое воплощение в привезенном Саидом карабахском ковре. Образный мир ковра, на котором «сражались орнаменты», и Дракон сходилась «в смертельной и нескончаемой схватке с Фениксом», запечатлел «замершую навеки память о борьбе» мировых стихий, которые «скованы в одно неподвижное и нерасторжимое кольцо», о противостоянии «двух соседствующих народов... сил природы и мифа, о вражде слабых людей...». «Давно умерший азербайджанский старик» своим искусством уловил ту «древнюю силу» восходящих к архаической мифологии первооснов человеческого существования, которой в финале рассказа рельефно оттенены и горе Муси, обреченной теперь на духовную беспочвенность, и невысказанные терзания Саида, «приехавшего проститься с любимой и проклятой им сестрой».

Предметная среда зачастую служит в сборнике «шифром» семейных, интимных отношений персонажей, их сокровенных устремлений. Центральная героиня рассказа «Алиса покупает смерть», которая «работала инженером-чертежником, любовалась собственной превосходной работой», к 64-м годам достигает утонченного переживания своей телесности, преимуществ унаследованной ею «мешаной крови... полуприбалтийской, полупольской», позволявшей «с раннего возраста охлаждать все страстные... порывы». Обманчивое самовнушение, что теперь «жизнь была доведена до совершенства» и на пенсии она «оказалась восхитительно свободной», в одночасье подрывается внезапной потерей сознания, заставившей ее «задуматься о смерти», «изумиться странному ракурсу», в котором при падении ей открылась привычная домашняя обстановка. Отвергая опыт матери, покончившей с собой «неприлично-литературным способом», Алиса размышляет о необходимости

«избежать самой неприятности смерти», найти «надежного врача» ради заготовления быстродействующего яда, помещенного в «белую фарфоровую коробочку для пудры». В этой эстетизированной детали преломилась присущая современному сознанию иллюзия управления собственным телом, возможности «купить себе легкую смерть», отгородившись от страха перед конечностью земного пути.

Настоятельное желание Алисы непременно «уйти здоровой», в точности когда она сама «примет это решение», оборачивается ее головокружительным романом и браком с 70-летним врачом Александром Ефимовичем, скрепя сердце преподнесшим ей на свадьбу «фарфоровую коробочку, полную зернисто-белого порошка». Эта трогательная любовная история, в которой «недополученное» героиней в молодости «обрушилось на нее в преклонном возрасте» и позволило им обоим «перезапустить гормональные циклы», художественно прослежена в калейдоскопе предметно-телесных подробностей и ассоциаций. «Провал в юность от случайного прикосновения», от волнующих чувственных впечатлений открывает в Александре Ефимовиче, притягивавшем новую жену тем, как он пах «беззлобным детским мылом», способность «угадывать ее прихотливые вкусы». Общее для них переживание условности времени отпечаталось в подаренном ему на юбилей «новом кожаном портфеле, который отличался от старого только изменившейся цифрой на серебряной нашлепке – “70” вместо “60”». Устройство микроклимата и бытовой прочности семейной жизни, сопряженное с основательной починкой в квартире Алисы «всего, что было подклеено пластырем и подвязано веревочкой», косвенно подкрепленное неожиданной беременностью его младшей дочери и, казалось бы, надежно «застрахованное» бережно хранимой фарфоровой коробочкой, – в новеллистической концовке произведения обрывается гибелью обремененного тщательно сделанными покупками Александра Ефимовича по дороге к новорожденной внучке. Перспектива забот о ребенке колеблет недавнюю самоуспокоенность героини, поневоле выводит ее из круга привычных предметов и стереотипов, так как теперь «воспользоваться свадебным подарком мужа Алиса уже не могла».

В рассказе «Вдвоем» телесные и предметные образы становятся средством изображения любовной привязанности и в то же время своей хрупкостью приоткрывают ужасающие пределы земных восприятий. В чувственно насыщенных воспоминаниях героя – «любителя свежих отношений и убежденного врага верности» – очередная интрига с «новой лаборанткой» перерастает в потрясший его и незнакомый по двум распавшимся бракам опыт душевно-телесного единения: «Тела их заговорили даже раньше, чем они

узнали имена друг друга... Ответ ее тела был началом того самого разговора, который они вели беспрерывно уже тридцать лет... Даже волосы ее обладали отзывчивостью. И Валентин Иванович знал, что отзывчивость ее тела была гениальной и каждая отдельная часть умела разговаривать: ее детские пальцы с короткими ногтями – с его огрубевшими от старости грабками, рот, зубы, язык, живот и все, что в глубине, вело взаимный разговор...» Целостное познание им любимого существа вбирает «ее запах», не раз мелькающую в воспоминаниях «зеленую ленту в блекло-рыжих волосах» и преломляется в отчаянное видение ее нынешнего изболевшегося и беспомощного тела, напоминающего «высохшую птичку с острым клювиком». Жестовое самовыражение персонажа выдает отчаянную попытку удержаться в родной телесной стихии под натиском надвигающейся пустоты: «Валентин Иванович зажимал в пальцах мятую зеленую ленту... На часах половина четвертого. Пустота».

Ансамбль предметных «спутников» частной жизни образует искусно выстроенную композицию рассказа «Благословенны те, которые...» Сюжетный рисунок произведения основан на вариативном повторении психологически травматичной бытовой ситуации разбирания пожилыми сестрами имущества, оставшегося после их 90-летней матери – «знаменитого лингвиста и исследовательницы древних языков».

Погружение героинь в пространство повседневных интересов и склонностей матери – в московской квартире и итальянской деревне – сопровождается эмоционально нелегким созерцанием этого чуждого им микрокосма, «заваленного» бумагами, пыльными книгами, бессмысленным для них «хламом», наподобие «маленькой плошки с камешками, ракушками». К случайным осколкам прошлого им «было страшно прикоснуться», из них складывался мозаичный образ покойной, с ее «предметными» пристрастиями и самозабвенной увлеченностью все новыми языками и текстами. Ранняя потеря мужа в 41-м, рождение второй дочери в 38 лет от кратковременного романа с бывшим студентом, отдаление от семейных забот ради служения науке – эти вехи материнской судьбы спустя годы отзываются для сестер тягостным осознанием себя в качестве взаимно отчужденных жертв ее нелюбви, ибо, как они полагают, «она никого не любила, только свои буквы». Однако среди вещей, рукописей, так и оставшихся загадочными приметам прожитой жизни, ими была найдена проникновенная, принесенная из итальянской церкви молитва пожилого человека. В этом тексте им слышится материнский голос, который на их уже старческую желчность, годами копившееся недовольство судьбой отвечает кротким признанием своих немощей и благодаре-

нием – по замечанию автора, близость к смерти и примирение стали пересекающимися лейтмотивами сборника [2]. Наметившийся переворот в отношении героинь к матери, себе и друг ко другу на предметном уровне тонко передан в их решении сберечь «записные книжки матери и перевод молитвы пожилых», «фарфоровую плошку, в которой лежали ракушки, камешки и бусины, которые делили с их матерью ее одиночество», а также в жестовом поведении, обещающем смягчение многолетних барьеров: «В самолете они подняли разделительный подлокотник между креслами, тщедушным плечом и всем своим воробьиным лицом Нина уткнулась сбоку в большую мягкую грудь сестры. И обе заснули. Одиночество их оставило».

Предметом художественного осмысления в лучших рассказах сборника Улицкой оказываются исчезающий вещный мир, угасающая телесность, в которых сквозит смутно прозреваемое инобытие, проступают «эфемерное измерение, тонкая грань между жизнью и смертью, растекающаяся и сливающаяся, не дающая отличить реальность от мистики» [3].

Композиционным центром рассказа «Человек в горном пейзаже» выступает жизненный путь «странного» героя, единственного сына своей одинокой матери, который еще с дошкольной поры как будто выпадал из течения повседневности и предавался долгим, ни к чему не ведущим созерцаниям законных видов. Судьбоносным случаем оказывается для него знакомство с доставшимися от старого фотографа снимками и особенно с громоздкой фотоаппаратурой. Посещение фотокружка позволяло Толе хотя бы на время «переставать быть отстающим и неразвитым», сулило прорыв к подлинной, как ему представлялось, жизни. Последующие этапы судьбы – ПТУ, армия, работа фотолаборантом, материальный успех, поездки по стране и даже «кривоватый роман», так и не приведший к созданию семьи, – лишь «по касательной» попадали в поле его внимания. Увлечшись в юности «нефункциональной» предметностью фототехники, когда значение ее элементов было ему еще неизвестно, он трансформировал это впечатление в многочисленные пейзажные съемки, в свободное от всякой прагматики вглядывание в предметно-телесную действительность. Герой страстно ловил привлекавшие внимание виды в объектив, где «как будто пейзаж умялся и оказывал человеку свою милость», на пике творческого вдохновения «ему все хотелось соединить человека с природой, но масштаб человека и масштаб природы не хотели совмещаться», и даже «женские лица он пристально рассматривал только в видоискателе, да и вообще самое интересное в жизни происходило именно в этом глазке». Постигшая его после 30 лет болезнь сделала невозможными профессиональные съемки и участие в жизни внешнего мира, обусловила его «растворение» в пространстве созданных прежде фотографических изобра-

жений. Мистичен финал рассказа: заложник «чистой» предметности решается на последнее бегство в реальность по ту сторону объектива, поскольку «пейзаж звал его к себе, и он чувствовал, что наконец он сможет войти в него. Пейзаж его принимал. И, что самое странное, – никакой рамки не было. Она теперь вообще была не нужна...»

Взаимопроникновение предметной изобразительности и мистической интуиции происходит в рассказе «Аутопсия». Отчасти подобно фотографу Толе, старый патологоанатом Коган видел себя «священником чистой телесности, последним уборщиком храма, который покинула душа». Врачебное исследование пораженной телесности открывало для него тело как «непрочитанную книгу», при вскрытии он «успевал прочитать историю жизни», вычислить потенциальные, отмененные смертью траектории развития организма. Недоуменное изучение им двух медицински необъяснимых, «как будто посмертно произведенных» надрезов на спине убитого молодого музыканта становится отправной точкой для ретроспекции этой рано оборвавшейся творческой жизни. Игра на флейте дарила Всеволоду ощущение преодоления обыденности; по оценке окружающих, это была «огненная», «небесная», «как будто детская и прозрачная» музыка, которая теперь «ушла с ним вместе». Его мучительное умирание ассоциативно выведено как творческое вчувствование в физическую боль, вслушивание в ноту «ля», продвижение по «коридору тьмы... в сторону света», обретение способности «расправить прорезавшиеся в спине большие влажные крылья» и прикоснуться к новому бытию «выше боли», к радости «трудного возвращения домой». Таинственный уход Когана, который «лежал под клетчатый пледом и улыбался», трактуется как откровение об инобытии, которое сквозит в знаках предметного мира, нуждающегося в метафизической «аутопсии».

Выразителен заключительный аккорд сборника – рассказ «Серпантин», посвященный памяти Е. Ю. Гениевой. Склад мышления, образ жизни, профессиональная деятельность Надежды Георгиевны – «библиографа еще с древних докомпьютерных времен» – были сосредоточены на плодотворном пребывании в предметной сфере книг, слов, человеческих характеров, творческих планов. Выработанная опытом и принадлежностью к «породе книгопочклонников» цепкая память позволяла ей «ничего не пропускать, ничего не забывать», и лишь в преддверии 60-летия случайно забытое в разговоре слово «серпантин» оказалось симптомом быстро прогрессирующей когнитивной деструкции. В рассказе достигает апогея сквозной для сборника Улицкой и восходящий к ее предшествующим вещам трагический мотив оскудения памяти, болезненного распыления густой предметности: «высыпались слова, фамилии, цифры», обнажая зияющие пробелы. Из последних творческих сил

героиня, уже забывающая имена близких людей, успела поименовать свой недуг «серпантиновой болезнью», не только диагностируя состояние, когда «мир ее сжимался, белые пятна ускользнувших и забытых вещей расширялись», но и предощущая в «теперешней белизне» и неотвратимом ударе вхождение в вечность, «плотную и прекрасную ткань» иного мира, контуры которого поддаются, впрочем, лишь апофатическому описанию: «Границ не было у этого сияющего мира. Он двигался, расширялся и разворачивался, как серпантин».

Итак, образный мир новых рассказов Улицкой характеризуется утонченной отделкой и изяществом предметно-телесного рисунка, который нередко первенствует над событийным рядом, выдвигается в центр композиции и становится объектом творческой рефлексии. В некоторых произведениях («Алиса покупает смерть», «Вдвоем») в пластичном изображении стихии эроса, «вживленной» в плоть бытия и овеванной чувством обреченности, просматривается родство с лейтмотивами зрелой бунинской прозы. Чувственная реальность насыщена в рассказах Улицкой подчас неожиданно решающими для персонажей зримыми и метафизическими знаками, при этом в обозрении «серпантина» иной жизни у автора и героев ощутимы агностический настрой, тревога перед возможной конечной «пустотой» мироздания.

Список литературы

1. Улицкая Л. О теле души. Электронный ресурс. URL: <https://a1.bookzip.ru/reader/5819/> (дата обращения: 24.09.2020).
2. «Близость к смерти – хорошее испытание». Людмила Улицкая о новой книге, женской дружбе и отношениях с возрастом [интервью]. Электронный ресурс. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/387365-blizost-k-smerti-horoshee-ispytanie-lyudmila-ulickaya-o-novoy-knige-zhenskoj> (дата обращения: 24.09.2020).
3. Алексанян А. Есть душа. О новом сборнике рассказов Людмилы Улицкой. Электронный ресурс. URL: <http://vovkuse.net/ulickaya> (дата обращения: 24.09.2020).
4. Кузнецова Е. УлицкаяToo: Кого и зачем убила лауреат «Русского Букера» в новой книге. Электронный ресурс. URL: <https://calendar.fontanka.ru/articles/8929/> (дата обращения: 24.09.2020).
5. Ничипоров И. Б. Личность и история в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» // Пушкинские чтения–2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXI междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб.: Изд-во ЛГУ, 2016. С. 75–80. Электронный ресурс. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27624034_95069558.pdf.

References

1. Ulickaya, L. *O tele dushi* [About the body of the soul]. Elektronnyj resurs. URL: <https://a1.bookzip.ru/reader/5819/> (data obrashcheniya: 24.09.2020).

2. «Blizost' k smerti – horoshee ispytanie». Lyudmila Ulitskaya o novej knige, zhenskoj družbe i otnosheniyah s vozrastom [interv'yu] ["Being close to death is a good test." Lyudmila Ulitskaya about a new book, female friendship and relationships with age [interview]] Elektronnyj resurs. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/387365-blizost-k-smerti-horoshee-ispytanie-lyudmila-ulitskaya-o-novoy-knige-zhenskoy> (data obrashcheniya: 24.09.2020).

3. Aleksanyan, A. *Est' dusha. O novom sbornike rasskazov Lyudmily Ulitskoj* [There is a soul. About the new collection of stories by Lyudmila Ulitskaya]. Elektronnyj resurs. URL: <http://vovkuse.net/ulitskaya> (data obrashcheniya: 24.09.2020).

4. Kuznecova, E. *UlitskayaToo: Kogo i zachem ubila laureat «Russkogo Bukera» v novej knige* [UlitskayaToo: Who and why did the Russian Booker laureate kill in the new book?]. Elektronnyj resurs. URL: <https://calendar.fontanka.ru/articles/8929/> (data obrashcheniya: 24.09.2020).

5. Nichiporov, I. B. Lichnost' i istoriya v romane L. Ulitskoj «Lestnica Yakova» [Personality and history in L. Ulitskaya's novel "Jacob's Ladder"] *Pushkinskie chteniya-2016. Hudozhestvennye strategii klassicheskoy i novej literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy XXI mezhdunar. nauch. konf.* [Pushkin Readings–2016. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: materials of the XXI international scientific conference] pod obshch. red. V. N. Skvorcova; otv. red. T. V. Mal'ceva. SPb., izd-vo LGU, 2016. Pp. 75–80. Elektronnyj resurs. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27624034_95069558.pdf (data obrashcheniya: 24.09.2020). (In Russian).